Файролл. Сицилианская защита

Автор:
Андрей Васильев

Сицилианская защита

Андрей Александрович Васильев

Файролл #5

Вернуть богов в мир Файролла? Можно. Прокатиться на подземном пароходе? Да запросто. Найти обломки магического ключа (правда, где они, черт его знает)? Попробуем. И это только начало нового и очень трудного квеста, который еще неизвестно куда приведет журналиста, меряющего своими ногами дороги игрового мира. А с учетом того, что игра идет не только в виртуальной реальности, но и во вполне осязаемом, настоящем мире (причем игра по-крупному, с очень опасными и могущественными игроками), ох и нелегко ему будет…

Андрей Васильев

Файролл. Сицилианская защита

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Эта книга посвящается моему отцу, который непременно разнес бы ее по камушку, но в душе очень гордился бы мной. Батя, все было не напрасно.

Глава 1,

в которой возникают новые персонажи

Само собой, я был не сильно бодр духом и крепок телом в это утро. Ну, вот сами посудите – сначала переворот, потом эта на редкость сквалыжная и сварливая богиня, и напоследок я еще часа полтора брел по лугу, обуреваемый мыслями. А какой смысл из игры выходить? Здесь хоть думается неплохо. Коли тут рассвело, так и в реале утро уже настало, ну, правда, солнце еще не вышло – совсем скоро зима, дни стали короче, а ночи – длиннее, но, по сути, это ничего не меняло. Спать не ляжешь уже, поскольку меньше трех часов ночью дрыхнуть нельзя – эту истину в меня намертво вдолбила одна моя знакомая медичка. Если в перспективе у тебя маячит меньшее количество часов для сна, то лучше уж вообще не ложиться – выспаться не выспишься, но вот разбитое физическое состояние и подавленное умственное ты себе обеспечишь (и это действительно так, проверено опытным путем). А после к этому добавится еще повышенная раздражительность и редкостная вздорность. Лучше уж так, без сна. Правда, после двух часов дня тебя сносить будет нереально, но до двух часов еще дожить надо.

Когда я вылез из капсулы, Вика уже встала, успела сходить в душ и, сидя на кухне, дула чай. В халатике с веселенькой расцветкой, бодрая и свежевымытая как морковка.

– Н-да, – окинула она меня взглядом. – Вот вы, геймеры, все-таки странные люди. Честно скажу – никогда не понимала, почему вам охота по ночам эдакой дурью заниматься, а наутро пожеванными ходить.

Я промолчал. В первую очередь потому, что возразить ей было нечего, тем более я с ней был полностью солидарен.

– Кофе сварить? – верно расценила мое молчание Вика. – А ты пока душ контрастный прими. Элька всегда так делала, когда по утрам привидением из этой вашей ванны с проводками вылезала.

Организм под сменяющими друг друга струями горячей и холодной воды выл не переставая, как бы говоря мне: «Вот все-таки какая же ты скотина, хозяин! Сначала сам не спишь, меня изводишь, а теперь еще и пытаешь. Гад ты, и все тут!»

Тем не менее столь радикальное (я такими вещами, как контрастный душ, не грешу, а потому для меня, как ни крути, это было довольно экзотическое времяпровождение) действо оказалось достаточно результативным. Мутная хмарь из головы пропала, появилась некоторая бодрость, а следом за ней приперся и голод.

Вика посмотрела на меня, жадно глотающего кофе и буровящего взглядом дверцу холодильника, вздохнула, взъерошила мою мокрую после душа голову и загремела сковородками.

– Может, на метро поедем? – несколько опасливо поинтересовалась она, когда мы вышли из подъезда. – Ты за рулем не уснешь?

После еды я несколько осоловел, но не настолько, чтобы заснуть за рулем, о чем, закуривая сигарету, и сообщил Вике.

– Ну хорошо, раз ты так говоришь, значит, так оно и есть на самом деле. Опять же это крайне романтично – погибнуть во цвете лет в одной машине с любовником. Мои родители, узнав подробности, будут в восторге. – Вика поправила воротник моей осенней куртки (холодает, пришло время утепляться). – Надо тебе нормальное пальто купить или плащ. Ты теперь серьезный человек, неплохо зарабатываешь, а одет как не знаю кто, просто как студент какой-то.

Я снова промолчал, поскольку спорить с ней на эту тему точно не собирался, все равно переспорит. А вот выделенное голосом слово «любовник» я отметил особо.

Ну что, осада ведется по всем правилам – с требушетами, подкопами и перерезанием водных артерий. Осажденных может спасти только чудо. Впрочем, до поедания конины еще далеко, еще посмотрим, что на Новый год будет, может, ее сестрица меня прирежет при случае под крышей дома своего. С нее станется.

В машине Вика сидела молча, о чем-то думая (об этом говорила морщинка на лбу; я давно заметил, что она появляется только в минуты, когда Вика размышляет о неких глобальных вещах). О чем – спрашивать не стал, но догадываюсь, что либо о своем будущем со мной, либо о грядущем пополнении в нашей редакции.

Я же вообще ни о чем не думал, на меня накатил отходняк – как ни крути, а все-таки такое дело доделал, довел до ума такой квест! Любопытно, что Зимин с Валяевым скажут по этому поводу и что в качестве премии вручат. Может, остров? Или личную ракету?

Мое исконное и законное место на парковке у издательства было занято чьим-то серебристым «мерседесом», и это немного сбило мой благодушный настрой, а также искренне и до глубины души возмутило Вику.

– Нет, ну совсем обнаглели посетители! – цокая каблучками по плитке холла, довольно громко рассуждала она. – Написано же: «Стоянка только для сотрудников редакции». Вот куда охрана смотрит?

Один представитель охраны пялился на ее ноги, второй глазел в сканворд, тем самым они оба олицетворяли всю сущность частноохранной системы России – смотреть на кого и на что угодно, лишь бы не туда, куда надо, и уж тем более туда, куда положено.

Уже у самых дверей в редакцию нас оглушил многоголосый взрыв хохота, раздавшийся из кабинета. Вика остановилась и посмотрела на меня.

– Ну ничего себе! – Ее личико напряглось и в нем появилось что-то хищное. – Совсем разболтались.

Я покачал головой и открыл дверь.

Внутри кабинета было людно. К трем моим гамадрилам, в данный момент беззаботно смеющимся, добавилось еще четыре персонажа. Причем три из четырех были девушками, что меня немного обескуражило, а Вику (если судить по грозному сопению у меня за спиной) напрягло.

Единственный представитель сильного пола из вновь прибывших на журналистско-игровую ниву, крепко сбитый русак с короткой стрижкой и широкими плечами, подошел ко мне и протянул руку.

– Добрый день. Сергей Жилин, представляюсь по прибытии.

Я пожал его руку, отметив крепость хватки, и, хмыкнув, полюбопытствовал:

– Никак служил?

– Да вот довелось, – подтвердил мое предположение крепыш. – По дури собственной в армию попал, но не жалею. Правда, потом в универе замучился восстанавливаться.

– Нормально, сработаемся. – Я сразу как-то проникся к Жилину симпатией, по всему было видно – основательный и надежный человек. Есть такие люди… только глянул – и сразу все ясно, кто он – сволочь, добряк, стукач… Вот этот – как магнитофон «Электроника-202»: не подведет, не сломается при нагрузках и будет работать в любых условиях.

Буквально оттеснив довольно-таки крепкого Сергея, ко мне подошла глазастая девица с совершенно замечательным огненным прыщом на лбу, с которого кусками отлетала пудра. Бедолага явно пыталась замаскировать сей дефект волосами, то ли уложенными в замысловатый шедевр парикмахерского искусства под названием «Последний день Помпеи», то ли попросту нерасчесанными. Девица обладала на редкость костлявыми ключицами, да и приятными глазу объемами в районе груди тоже похвастаться не могла. Обдав меня просто облаком каких-то цветочных ароматов, она сунула мне потную ладошку.

– Я Мариэтта, Мариэтта Соловьева. Красный диплом, шесть публикаций, полугодовая стажировка за рубежом.

Откуда-то из-за ее спины раздался сдавленный смех. Смеялась блондинка, обладательница шикарной фигуры, длиннющих ног и потрясающе красивого лица. А что она вообще тут делает? Ей бы с дрищ-терьером под мышкой по торговой галерее ходить, в меховой жилетке и в уггах, в солярии лежать и благотворительностью на мужнины деньги заниматься.

– А что тут смешного? – пожал плечами я. – Сейчас многие за рубежом стажируются, правда, толку от этого мало – наши издания от их отличаются, у них журналистика по другим правилам существует в обществе. Опять же – геморроев у них меньше, а зарплаты выше.

– Но тут вообще оригинально вышло, – уже не маскируясь, хохотнула блондинка. – Скажи, Пимп, где ты стажировалась?

– За рубежом, – стиснув зубы, повторила Соловьева. – И еще – у меня есть имя.

– И все-таки? – Мне уже и самому стало интересно, где она практику проходила. В Голландии, что ли, среди запрещенных в стране родных осин препаратов?

– В Монголии, – неохотно пробурчала Соловьева и выпалила, зло глядя на блондинку: – Хорошая страна, между прочим. И я поехала туда сама благодаря своему таланту, а не за…

– Ну продолжи фразу, – очень дружелюбно предложила ей блондинка и, сделав пару шагов, оказалась рядом со мной и Соловьевой. От нее веяло какими-то терпкими духами и малиной. Духи – понятно, но малина? – Ну, чего ты? Выскажи свою версию, почему я стажировалась в Германии, и я отвечу, угадала ты или нет.

– Я надеюсь, что работа в вашем еженедельнике послужит тем самым стартом, после которого я стану настоящим журналистом, – отбарабанила, видимо, заранее придуманный текст Соловьева и захлопала глазами, преданно смотря на меня и совершенно не обращая внимания на иронично улыбающуюся блондинку, все так же стоящую рядом с ней. Прыщ Мариэтты алел, впалая грудь вздымалась, лохмы торчали в разные стороны. Кларетта, Колетта, Мариэтта… Конец цитаты.

– Уверена – так и будет, – раздался у меня за спиной голос Вики, она шагнула вперед и потрепала Соловьеву по плечу. – Толкового сотрудника видно сразу. Кстати, представлюсь. Я Виктория Травникова, заместитель Харитона Юрьевича, и в его отсутствие именно я осуществляю руководство издательством.

Мм, а моя маленькая леди тщеславна. Спорно, что нас можно назвать издательством. «Изданием» – это еще туда-сюда, но чтобы вот так громко, издательством… Хорошо, что Мамонт этого не слышит, грешным делом, старик мог бы решить, что у него за спиной все уже поделили, а его вот-вот отправят бутылки собирать. Руководит она… Не замечал за ней такого раньше. Или это не тщеславие? Хотя с учетом того, сколько времени я провожу здесь и сколько – в Файролле, пожалуй, что и руководит, не стоит себе врать.

Вика стояла, уперев свой взгляд в блондинку, которую, казалось, все это просто забавляло.

– Травникова, Травникова… – наморщила красотка свой точеный носик. – Слу-у-ушай, а ты не та самая Травникова, которая все пять лет в универе редкой ботаничкой была, автоматом сессии сдавала, потом на жутком нервяке чуть не завалила госы, но каким-то образом красный диплом все-таки получила и после его вручения, уже на теплоходе, на радостях нажралась так, что сначала пыталась ректору отдаться с криком: «Ну должна же я как-то вас отблагодарить за науку», а потом за борт упала, и ее на спасательном круге еще полкилометра за теплоходом тащило? Или ты просто однофамилица?

По багровым пятнам на лице Вики и улыбкам гамадрилов я понял две вещи. Первое – мое сокровище в ярости, и в ней она очень похожа на свою сестру. Второе – елки, это о ней. Забавно, а я думал, что она в универе хоть и училась хорошо, но была зажигалкой. А она была зубрилой. Неожиданно, признаюсь честно.

Третья вещь мне тоже была ясна как божий день. Отныне и до смерти одной из сторон наша редакция становится полем боя между сжавшей губы бело-красной Викой и насмешливо ее разглядывающей и крутящей на палец белокурый локон все еще пока безымянной красоткой.

Может, не доводить до крайностей и прямо сейчас, еще на дальних подступах, эту «Мисс, не пойми зачем ей вообще работа нужна» без особого шума и пыли

отсюда вежливо попросить? Нет, нельзя, не получится. Кто-то из этих четырех интересен хозяевам, а значит, пока я не пойму, кто из них, придется их тут держать. А жаль, я бы всех поменял, ну, кроме парня, пожалуй.

Но на место эту белокурую бестию ставить надо, иначе она тут быстро коноводом станет и мое юное чадушко гнобить будет, просто так, для забавы, знаю я таких. А Вику я в обиду не дам, это моя добыча. Ну, красавица, встречай, подставляй лицо, вот она, твоя лужа.

Я взглянул на часы и обеспокоенно покачал головой.

– Ай-ай-ай, что же вы так… – Я со скорбью глянул на блондинку. – Вам самой-то не совестно?

– А что такое? – невинно захлопала глазами она, изображая непонимание и непорочность.

– Ну как. – Я взялся руками за щеки. – Ужас! Вы вторую ванну пропустили, до солярия-то всего ничего осталось. Вы же, наверное, сюда пришли с одним из моих… туловищ, видимо, с Генкой? Кстати, Геннадий, мы тебе слишком много платим, если тебе по карману такая… хм… девушка.

Я, оттопырив нижнюю губу, придирчиво и немного сально оглядел поднапрягшуюся блондинку. Понятное дело, одним таким трюком ее, конечно, из себя не выведешь, подобные намеки для нее – уже привычное дело, за пять лет того же универа она наверняка и не такого наслушалась. Это прыщавую Соловьеву не тюкают, а тут небось все кому не лень отметились с шутками, любопытными предположениями и пьяными: «Ну ты чё, от тебя ж не убудет». Это я еще безобидно ее на место ставлю.

– Да откуда у меня такие деньги? – Стройников меня не подвел, ситуацию прочитал правильно и подал верную реплику. – У меня девушки попроще, у меня на таких, как вот эта, средств не хватит.

Блондинка явно не ожидала, что буквально минуту назад пожирающий ее глазами Геннадий окажется гадским предателем.

– Это да… – согласился с ним я, еще раз окидывая оценивающим взглядом достопримечательности красавицы. – Это вам не это, тут на наши зарплаты не разгуляешься…

– Все! – вступила в разговор блондинка и протянула мне руку. – Я все поняла, согласна, перегнула палку, не права, занесло. Таки да – вы самый главный в этом лесу, мне это уже понятно, усвоила. Елена Шелестова, можно Лена, можно Ленка, нельзя Хелен, ну правда, реально бесит, когда меня так называют.

– Не все усвоили. – Я уставился на нее, игнорируя протянутую мне конечность, но проникнувшись к ней некоторым уважением – нестандартно мыслит девочка, на разрыв шаблона сработала, сразу сдалась. Но тут надо еще дожать, чтоб до ливера проняло, по возможности. – Еще кое-что забыли сделать.

– Что еще? – вправду удивилась Шелестова. – Мир, дружба, жвачка. Вы мой босс и во всем правы изначально и бесповоротно. Я накосячила, раскаялась, потом, перед сном, немного повою в голос от стыда и порву на себе волосы. Пару штук могу прямо сейчас вырвать, если надо.

– Ну, тут вырванными волосами не обойтись. Вот эта дама – мой зам, и она тоже вам начальство. – Я показал на Вику. – А вы позволили себе определенную бестактность по отношению к ней. Так что я бы на вашем месте извинился, причем это должно звучать искренне, я не Станиславский, но «Не верю» буду орать от чистого сердца. Ну, мы ждем.

По лицу Вики скользнула тень удовлетворения. Лицо Шелестовой осталось безмятежным.

– Вика, прости. – Красавица всплеснула руками. – Ну бывает, язык-то у меня без костей, вот и мелю всякий вздор. Я больше не буду, правда, не буду. Так – не буду.

Голубые глаза заискрились бесовщинкой, ресницы захлопали вдвое быстрее обычного, все лицо выражало искреннее раскаяние. Холера забери Зимина с Валяевым, они мне в редакцию черта подсуропили.

– А что вы мне поручите? – Елена довольно улыбалась, и ее можно понять – из весьма скользкой ситуации она все-таки выпуталась почти без потерь. – Я много

чего умею, у меня, кстати, и опыт уже есть.

Вика хмыкнула, мальчишки сально заулыбались.

– Ну, в этом-то я не сомневаюсь, – заверил я ее. – Да еще и в Германии его набирались…

– Да нет, я не про тот опыт, – абсолютно не смутилась Шелестова. – В тех вопросах я вообще вам всем фору дам. Я сейчас про издательское дело говорю. Полтора года стажировки в «Деляге» – как вам?

«Деляга» – это серьезно. «Деляга» – это печатное бизнес-издание гигахолдинга «Белый знак». Туда просто красивую девушку на половую стажировку не возьмут, что довольно часто бывает в других издательствах. Либо на самом деле впахиваешь по полной, либо ты там вообще не работаешь. Ни связи, ни дружба вообще ничего не решают, они смотрят только на профессиональные навыки и умения. «Деляга» – это серьезное признание тебя как сурового профи, верхушка российской деловой журналистики. Но то, что она, просидев там полтора года, у них не осталась, означает либо что как журналист она нулевая, либо…

– Внушает, – без какой-либо иронии сказал я. – Но мы не «Деляга», и былые заслуги тут в расчет не идут. Ну и потом – вы же уже не там, а здесь. Что делать – скажу, а пока – рад познакомиться.

И я протянул ей руку, которую она пожала. Без пафоса и всяких там колкостей.

– Все, вы закончили заниматься всякой ерундой? – раздался еще один незнакомый мне голос. Он принадлежал невысокой девушке хрупкого телосложения с бледным личиком и веснушчатым носиком.

– Вообще-то это мой текст, – заметил я, рассматривая это диво.

Девушка приятно мне напомнила дриад, которых я спасал. Очень невысокая, худенькая, с прической «хвостик» и умными глазами, одетая в майку с изображенным на ней каким-то непонятным существом, весьма похожим на Берта Дима Хевару, борца за свободу гремлинов, и в кеды с разноцветными шнурками, она стояла, так же рассматривая меня. Даже не девушка – девчушка.

– Вообще-то это моя жизнь, – сообщила мне она. – Все вокруг ведут какие-то странные и непонятные разговоры, при этом никто не собирается ничего делать. Скука.

– Ну да. Ответьте мне на два вопроса: как вас зовут и кто это такой? – ткнул я пальцем в майку.

– Это? – Девчушка растянула майку. – Это корейский певец, Минг Нат, он очень мне нравится. А зовут меня Таша. Если полностью – Наталья Звягинцева, но зовите Таша, я так привыкла. Чего делать надо – скажите, а то мне скучно.

Надо же, в Корее своя эстрада есть, вон с какими, глазасто-патлатыми, прямо как из комиксов. В жизни бы не подумал, что это человек, да еще и певец. А у меня ведь теперь тут прямо как на Ноевом ковчеге – всякой твари по паре. Паноптикум… Господи, где ж я так нагрешил-то?

– Так, – хлопнул я в ладоши. – Все слушаем меня, особенно вновь прибывшие.

И я прочел краткую лекцию о том, кто что делает, кто кому подчиняется и кто за что отвечает. А также что кому будет, если чего где будет не так. Сергей слушал с интересом и явно мотал на ус, остальные, похоже, не особо напрягались: Мариэтта (надо ее до Мэри сокращать) показывала всем своим видом, что она внимает каждому моему слову и что-то чиркала в блокноте, глаза же у нее были стеклянные, Шелестова улыбалась каким-то своим мыслям и качала головой, Таша просто вежливо скучала, время от времени зевая.

– Ну, вот и все, ребята, – закончил я через десять минут свой инструктаж.

– А делать-то что? – Таша развела руками.

– Мне скучно! – невероятно похожим на Ташин голосом пискнула за ее спиной Шелестова.

– Ну да, – согласилась с ней Таша. – Точно. Так оно и есть на самом деле.

– Значит, так, – скомандовал я. – Геннадий, отдаю этот женский батальон, ну и Сергея тоже, в твое полное распоряжение. Экскурс в историю и легенды

Файролла и нашего журнала, краткий курс на тему «Новости: откуда их брать и где их искать, какие они должны быть и зачем они нужны». И чтобы завтра к обеду была подборка, проверю лично. Имей в виду – сам себе возможную замену готовишь. Как увижу, что справляются, – переведу тебя на статьи. И подумай, кого с Ди познакомить, чтобы она этому человеку данные пересылала.

– Понял, шеф! – просиял Стройников, которому порядком надоело копаться в новостях. Правда, недавно он туда было определил Юшкова, который синячил по-черному, но тот, выйдя из запоя, расквасил ему нос и восстановил статус-кво. Плюс неглупый Стройников прекрасно понимал: это амнистия и право на голос в общем хоре.

– И вот еще что, молодежь. – Я окинул взглядом эту четверку. – Участок новостей – это серьезный участок, и нужно их теперь больше, чем раньше, после принятия решения об увеличении объема издания. Но трех человек там достаточно, а значит, кто-то из вас перейдет на авторскую работу, и этим кем-то станет тот, кто будет работать лучше других. Ваше будущее – в ваших руках. Елена, не надо так многозначительно смотреть на Сергея, я о работе, и только. Я, конечно, буду следить за вами и вашими успехами, но в первую очередь это будет делать Виктория Евгеньевна. И смотреть за вами она будет очень внимательно, придирчиво, со всем усердием и прилежанием. Имейте в виду, что ее мнение для меня во многом станет определяющим.

Трое новеньких переглянулись. Было видно, что изначальное единство и слова, наверняка сказанные ими друг другу у входа в здание сегодня утром, что-то вроде: «Ну, если что, держимся вместе? Поодиночке нас поломаешь, а вместе – мы сила», – больше недействительны. Были соратники, стали конкуренты. Закон жизни. Шелестова же ни с кем переглядываться не стала, только щелкнула пальчиками с нанизанными на них кольцами.

– У-у-у, – махнула рукой Елена. – У меня сразу без шансов. Надо тут, в новостях обживаться.

– Еще можно уволиться. Даже не уволиться, а просто уйти, у тебя сейчас испытательный срок, ты пташка вольная, – ангельским голосом сказала ей Вика. – Чего себя в новостях гробить?

– Спасибо вам за совет, добрая женщина, – поклонилась ей в пояс Елена. – Но я сама решу, когда, где и как мне быть. И с кем. Уж не обессудьте, госпожа заместитель, если прозвучало резко.

– Ладно, потом поцапаетесь, без меня, мне ваша ярмарка злословия на фиг сейчас не нужна. Но сразу говорю вам, Шелестова: будете сильно резвиться – отправлю за порог, и чтобы потом без обид. Вопросы еще какие есть? – спросил я.

– Есть, – немедленно отозвалась Шелестова. – Проставляться когда? Традиция, святое!

– С народом реши. Но только после рабочего времени и не во вторник или среду – там выпуск издания идет, – ответил ей я.

– Но вы-то сами будете? Иначе в чем смысл?

– Буду, как не быть. Хоть я с подчиненными и не выпиваю, но тут ты права, это традиция, не я ее придумал, не мне ее нарушать, – кивнул я. – Простава – дело серьезное, по ней видно будет, что вы за люди. Кстати, в «Файролл» непосредственно кто играл?

Таша подняла руку, поднял ее и Сергей. Я хотел было спросить, долго ли и кем, но тут закурлыкал телефон.

– Добрый день, Максим Андрасович, – поприветствовал я своего босса. Вика сделала страшные глаза и приложила палец к губам, негромко произнеся: «Зимин». Все встали практически по стойке «смирно». Ну, кроме Шелестовой, которая разглядывала свои ногти и что-то там поправляла пилочкой, добытой из миниатюрной сумочки, которая висела у нее на плече.

– Ну что, Киф, с завершением тебя первой части квеста, – благодушно, как и всегда, сказал Зимин. – И вот что – приезжай-ка ты сюда. Старика в Москве сегодня нет, но ты все равно приезжай. Во-первых, хочу тебя поздравить лично, во-вторых, есть несколько вопросов, которые надо обсудить. Новенькие пришли?

– Пришли, – обвел я притихших юниоров немигающим взглядом. – Пока ничего сказать не могу, надо на них посмотреть повнимательнее. Работа, да и время, покажут, кто чего стоит.

Мариэтта рефлекторно кивнула, верноподданно таращась на меня, Шелестова кинула на нее взгляд и, вздохнув, покачала головой.

– Ну, первое впечатление у тебя уже есть, а это тоже неплохо.

– И Вику тоже с собой взять? – Я это произнес как бы между делом, но было видно, что народ в кабинете меня услышал. – Хорошо.

– А, авторитет Вики поднимаешь? – понимающе и с одобрением отреагировал Зимин. – Правильно. Только ты ее наверх не тащи, нечего ей тут делать, там у нас внизу кафетерий, ты ее туда отправь, пусть кофию попьет с пироженками. Все, пока, сейчас распоряжусь насчет машины. И не спорь, коньяку выпьем.

– Вика, машина за нами вышла, так что ты давай командуй, кому чего делать.

Вика победно сверкнула глазами в сторону Шелестовой. Та забавно сморщила носик и при этом совершенно не выглядела проигравшей.

Интересно, кто же из них крот?

Глава 2,

в которой герой как поднимается, так и опускается

Когда мы сели в машину, Вика прижалась ко мне и поцеловала в нос.

– Спасибо, я все оценила. – Моя подруга жизни явно была довольна.

– Слушай, а ты зачем за борт прыгнула? – задал я вопрос, который меня и впрямь заинтересовал. По моему разумению, девушка может сигануть за борт корабля

только по причине несчастной любви. Вот пацан – там да, там есть добрая сотня поводов, от: «Ты чего сказал, это мне слабо?» до: «Да вот фиг тебе я утону». И так далее. Но девушка?

– Да случайно я упала, случайно, – насупилась Вика. – Кого ты слушаешь? Я уже позвонила своей подруге (она в ректорате работает) и все про эту Шелестову узнала. Шлюха она и тварь, каких поискать еще.

Стало быть, и впрямь эта Шелестова нормальная девчонка, если подруга Вики так быстро выдала подобную характеристику.

Не любят просто симпатичные женщины очень красивых женщин. Ну вот не любят. К примеру, красивые женщины страшненьких – жалеют. Страшненькие красивых, как правило, не очень любят, но уважают, поскольку к ним можно пристать, ну примерно так, как рыба-прилипала пристает к акуле, и, находясь в их фарватере, на какой-нибудь из вечеринок поймать неказистого пьяненького мужичка, а если повезет, то даже и устроить свою личную жизнь. Правда, дальше там начинается многовариантность, после того как этот мужичок протрезвеет, но это уже совсем другая история. А вот симпатичные женщины красивых искренне не любят. Причины мне неясны, но, думаю, дело в том, что симпатичных много, а по-настоящему красивых – мало. И первые всегда проигрывают вторым, ну а если красивая женщина еще и умна (чего явно не отнимешь у Шелестовой, сразу видно, что там и с думалкой, и с реакцией все в порядке), то это вообще симпатичным плевок в душу. Вот и становятся красивые и умные, со слов симпатичных, такими… Ну, вы помните кем.

Хотя зачастую жизнь у очень красивых женщин не такая уж и сладкая, как думает большинство. Многие мужики от них попросту шарахаются, полагая, что стоит им хотя бы улыбнуться такой ослепительной красотке, как тут же из-за руля большой черной машины выйдет существо, состоящее из мускулов, кошелька и пистолета, и вышибет улыбнувшемуся мозги. Или что эта женщина – ну очень дорогая проститутка, где ж такие деньги взять. Ну и так далее. Трудно в такое поверить, но есть женщины, которым их же собственная красота – помеха, а не помощь в личной жизни. Я сам знал одну неимоверную красавицу по имени Алина, которая дошла до такой степени одиночества, что даже подалась на какую-то телепрограмму, что-то вроде «Любовь с первого раза», поскольку от нее все шарахались, опасаясь мести криминала, а личной жизни и простого женского счастья ей все-таки очень хотелось. И так бывает.

У мужиков в этой связи все на порядок проще. Мы просто не заморачиваемся, кто там какой – красивый, некрасивый. Главное, чтобы не заднеприводный был как по ориентации, так и просто по жизни, да еще чтобы не отрубался после третьей рюмки. А то вот некоторые пить не умеют, а туда же…

– Вик, да мне как-то по барабану. – Надо было ее успокоить, вон у нее грудь как морская волна ходуном ходит. – Мне с ней детей не крестить.

– Черт с ним, что не крестить, главное не делать. Ты у меня смотри! – пригрозила мне Вика. – Отравлю!

– Слушай, а ты машину водить умеешь? – решил я сменить тему.

– Умею, но так, без прав. Папка учил. А чего?

– Да надо бы тебе пойти права получить. Вот я сейчас нафигачусь с Зиминым коньяку, так ты бы домой меня отвезла – и все. И мы дома и машина. Сегодня придется вон либо на казенной ехать, либо такси вызывать, а завтра на работу переть своим ходом. Мне-то не в жилу, а вот тебе…

– А коньяком обязательно накидываться? – сощурилась Вика. – Можно ведь и без этого обойтись?

– Можно, – согласился с ней я. – И даже очень просто. Сходи и скажи Зимину, что я нынче не употребляю, потому как лично ты против.

Вика помолчала, потом сказала:

– У нас около дома автошкола. Завтра пойду запишусь. А на какой машине я ездить буду, на нашей «бэхе»?

– Наверное, – ответил ей я. – Там посмотрим. Ты права получи сначала.

Здание «Радеона», мощное и современное, мной воспринималось уже как что-то родное и близкое. Да и я там уже был не чужим, поскольку девочки на ресепшене заулыбались, как только завидели меня.

– Добрый день, Харитон Юрьевич, – приветливо обратилась ко мне одна из них, та, что сопровождала меня к Зимину в самый первый раз. – Вы к Максиму Андрасовичу?

– Ну да. Вообще-то меня сам хотел видеть, но он, я так понимаю, в отъезде? – бросил я небрежно, решив добить красавицу с фирменной косынкой на шее, ну и попонтоваться перед Викой. Приятно же… Единственное, что плохо: пришлось говорить нелепое слово сам. Да я бы сказал ей, как зовут самого, если бы знал, а Стариком мне его называть было как-то неудобно. На сайте же про него не было ни слова.

Я не ожидал такого эффекта. Возникло ощущение, что девушки онемели, потом моя собеседница, непроизвольно сглотнув, сообщила мне:

– Насколько мне известно, Валериана Валентиновича в данный момент нет в его владениях. Но я могу не обладать полной информацией, прошу меня за это извинить.

И красавица покаянно и абсолютно искренне склонила голову, чем меня немало изумила. И даже слегка смутила.

– Да ладно. Ну нет – и нет. Зимин же здесь?

– Максим Андрасович у себя, – не поднимая головы, проговорила девушка. – Вы позволите вас сопроводить к нему?

– Благоволите, – совсем уж растерянно согласился я.

– А я? – спросила Вика, сдвинув бровки.

– А ты попей кофе пока, – ответил я ей и, заметив недовольство в ее глазах, пояснил: – Я же тебе говорил – мы там коньяк употреблять будем, в мужской компании. Нет, если ты хочешь с нами за воротник заложить, то конечно…

– Ты же знаешь, что я коньяк не люблю. – Вика покачала головой. – Ладно, пойду кофе попью. А там пироженки есть?

– Разумеется, – немедленно ответила ей одна из девушек. – И с заварным кремом, и миндальные, и с фисташками, и бенедиктин у нас имеется натуральный к кофе. Позволите вас проводить?

– Киф, дай мне денежку, я кошелек в столе забыла. – Вика требовательно протянула мне ладошку.

– Не волнуйтесь, есть отдельное распоряжение на ваш счет, так что об оплате беспокоиться не стоит, – протарахтела, улыбаясь, девушка.

Тем не менее я отдал Вике свой бумажник – ну не совать же ей купюры в руку – и отправился к Зимину.

В лифте моя сопровождающая молчала, и мне показалось, что где-то в глубине ее глаз, в тот момент, когда ее взгляд останавливается на мне, сидит очень скрытый и очень сильный страх. Любопытно, что же это у них за шеф такой, раз одно упоминание о том, что он хочет меня видеть, подняло мой авторитет до такой высоты. И не зря ли я такую штуку выкинул? Как бы это мне потом боком не вышло.

Когда мы приехали на нужный мне этаж, девушка довела меня до знакомых мне дверей в приемную и, не дожидаясь, пока я зайду, умчалась вниз на том же лифте, на котором мы и приехали.

В приемной все было, как всегда. В центре комнаты восседала красивая, ухоженная и неприступная Елиза Валбетовна все с тем же кроваво-красным лаком на ногтях, «вавилоном» на голове и гнетущей неумолимостью во взгляде.

– А, Никифоров! – увидев меня, она как-то даже обрадовалась. – Максим Андрасович уже спрашивал про тебя. Где запропал?

– Москва, пробки, здрасте, – лаконично ответил я.

– Ну-с, как дела, молодой человек? – Елиза впервые на моей памяти повернула свою царственную голову в мою сторону. – Как дома, все ли в порядке?

– Все слава богу, спасибо.

Такое ощущение, что сегодня в «Радеоне» все задались целью меня удивить.

Елиза как-то саркастически улыбнулась после моего ответа, но довольно дружелюбно это прокомментировала:

– Это хорошо, когда хорошо. В этом есть гармония жизни.

– Елиза Валбетовна, – решил я воспользоваться ее благодушным состоянием. – А мне вот говорили, что там есть какой-то пакет для меня, ну, как для сотрудника. Такой вот корпоративный – страховка медицинская и другое всякое полезное.

– Максим сказал? – уточнила Елиза.

– Нет, я на сайте прочел, и народ рассказывал. – Сдавать Зимина этой фурии мне не хотелось. Он, похоже, ее боялся, так же, как и я.

– Ну да, народ! – Елиза фыркнула. – Старый проходимец, вот все ему чужая выгода глаза застит. Забирай свой пакет.

Она залезла в стол, извлекла оттуда некий огромный конверт и протянула мне. Внутри этого конверта-пакета что-то приятно бумажно похрустывало и пластиково поскрипывало. Должно быть, те самые материальные и нематериальные блага.

Я испытал огромное желание эту благодать открыть и посмотреть, что там внутри, но многоопытная Елиза немедленно сообщила:

– Так, не вздумай мне здесь копаться в нем. Домой приедешь – и посмотришь, или в машине глянешь, или вон в кабинете у этого греховодника. И давай-ка еще здесь распишись в получении.

Она развернула на столе какой-то растрепанный и замызганный журнал, довольно странно смотрящийся в дорогущих декорациях этого офиса, вручила перьевую ручку, и я вывел темно-фиолетовыми чернилами в графе с предварительно поставленной в ней галочкой свой автограф.

– Молодец. – Елиза ловко захлопнула журнал и убрала его в сейф, стоящий у нее под столом. – Давай иди к Зимину.

– Спасибо, – робко сказал ей я и двинулся к двери.

– А, стой, вот еще что. Пришли-ка ты как-нибудь, с оказией, ко мне сюда свою заместительницу, как там ее… – Елиза пощелкала наманикюренными пальчиками. – Травникову. Ей тоже кое-что причитается, Зимин лично распорядился.

– Так она здесь. – Я ткнул рукой в сторону лифта. – В кафетерии пирожные трескает и кофий с бенедиктином употребляет. Она и то и другое уважает очень.

– Ну, с пирожными нам, девочкам, злоупотреблять не надо. – Елиза встала, проведя ладонями по безукоризненной талии. Впрочем, здесь было безукоризненно все, не только талия, по этой причине я отвел глаза. – Но иногда – можно. Поскольку тут ей делать нечего, таким, как она, на этот этаж вход воспрещен, то пойду, снизойду до нее сама. А то ведь так и будет ее конверт у меня здесь валяться. Да и кофе с бенедиктином выпью в ее компании, позабавлюсь. Молоденькие девочки – они смешные, трогательные, наивные. Такая прелесть.

Дверь кабинета Зимина открылась, и из нее высунулась голова Валяева.

– Киф, да твою же!.. Мы уже полбутылки усидели, тебя ожидая.

Я показал глазами на поправляющую прическу Елизу: мол, вот чего задержался.

Валяев посмотрел на нее, на меня, снова на нее.

– Да ладно! – У него расширились глаза. – Елизу? Ты? Прямо в приемной? Не верю!

– Ты офигел? – шепотом заорал я, искренне надеясь, что Елиза не слышала реплику Валяева, и напрочь забыв о субординации. – Вон она мне соцпакет вручала!

– Тьфу ты! – Валяев моргнул. – А я-то подумал…

– Ты как раньше никогда и не думал, так и сейчас не начинай, – сообщила ему, не оборачиваясь, Елиза и зацокала каблучками к лифту. – Бросай это безнадежное занятие, не дано тебе подобным заниматься.

Валяев скорчил ей в спину рожицу и втащил меня в кабинет Зимина.

– Киф, дружище! – Зимин встал из-за стола и, подойдя ко мне, приобнял за плечи. – Молодец, не зря мы за тебя перед Стариком хлопотали.

– Красавчик, просто красавчик. – Валяев подошел к столику, на котором стояла тарелочка с лимоном, большая розетка с черной икрой, лежал нарезанный хлеб, были еще какие-то закуски вроде рыбы, что-то в кастрюльке, в томате, и взял с него открытую пузатую и пыльную бутылку коньяку и довольно странную рюмку. Даже не рюмку – это была чарка, но без какой-либо ножки. Там, где полагалось быть ножке, находилось что-то вроде медного рыбьего хвоста.

– А это чего? – Я повертел головой, разглядывая забавную емкость.

– Стремянная, – объяснил мне Валяев, наливая коньяк в «чарку» и протягивая ее мне. – Слышал, поди, выражение: «Ну и по стремянной»? Так вот это она, стремянная чарка, и есть. Когда она пустая – ее на стол поставить можно. А коли нальешь в нее чего – так все, фигушки, пей до дна. Вот ты из нее нынче пить и будешь, чтобы не филонил. Ибо – заслужил.

Зимин помахал перед его носом указательным пальцем.

– Так, Кит. По одной давай бахнем, конечно, а потом нам надо поговорить, так что уж тогда после разговора надергаемся. Дело есть дело.

– Согласен. – Валяев как всегда моментально перешел от маски шута к маске делового человека. – Но я ему уже налил, так что – прозит!

– Прозит, – подняли рюмки и мы с Зиминым. Почему «прозит»? Хотя чем оно хуже «лехаим» или «будьмо»?

– Так, Киф. О чем я хотел с тобой поговорить, – перешел Макс к делу. – Для начала – ты молодец, все провел как надо, немного пережал с богиней в разговоре, но не до безумия.

– Она наглая такая оказалась. – Я подцепил дольку лимона и бросил ее в рот. – Нереально взбесила.

– Богиня!.. – Валяев вольготно расположился в кресле. – А что ты хотел? Все боги обладают отвратительным характером, уж поверь мне. Что эта милашка Месмерта по сравнению с Герой или Фреей, я уж не говорю о Кали? Просто ангелок, безобидный, белокрылый и прелестный.

– Гера! – фыркнул Зимин. – Мстительная и злопамятная как кобра, с кучей комплексов и совершенно без тормозов. Да еще и верная как собака своему любимому идиоту-мужу, который крыл все, что шевелится. Гремучая была смесь!

Он взглянул на меня и пояснил:

– Ну, судя по мифам, конечно.

Валяев покивал и закончил:

– Так что эта еще ничего. Но в принципе забудь общение с ней как страшный сон – пока квест не выполнишь, ее и не увидишь. А квест дли-и-инный, сло-о-ожный… Прямо беда!

– Спасибо, – угрюмо поблагодарил его я. – Вот счастье-то! Вот радость…

Валяев вскочил с кресла, подлетел ко мне, зажал мою голову у себя под мышкой и начал теребить мою прическу, приговаривая:

– Не хандри, приятель, все не так уж плохо. Вослед врагам всегда найдутся и друзья, где ваша не пропадала.

– Извините, что вмешиваюсь, девочки, – влез в эти забавы Зимин. – Но я хочу договорить, так что дайте мне толкать речь.

Мы уставились на него в четыре глаза.

– Итак, ты молодец, ты выполнил первую часть задания. И мы уверены в том, что ты справишься и со второй, не менее, а точнее – даже более сложной.

– Постараюсь оправдать возложенное на меня высокое доверие, – пробормотал я.

– Ты можешь не перебивать? – возмутился Зимин. – Ну что такое?

– Верно, – поддержал его Валяев. – Чем чаще ты его перебиваешь – тем дольше он говорит. Чем дольше он говорит – тем позже мы закончим. Чем позже мы закончим – тем позже мы выпьем!

– Хр-р-р! – злобно зарычал Зимин.

Мы с Валяевым моментально сели в кресла, сложили руки на коленях и уставились на рычащего и порядком озверевшего Зимина.

– Итак! – Макс зыркнул на нас из-под бровей. – Мы верим в то, что ты удачно закончишь и вторую часть возложенной на тебя миссии и тем самым реализуешь ввод в жизнь глобального обновления в игровой вселенной «Файролла». Все.

Мы захлопали ему, Зимин поклонился, прижав руки к груди.

– Ладно, это была официальная часть, Старик просил тебе непременно это сказать. А если он что-то просит, надо это выполнить обязательно. А еще он просил тебе кое-что показать, так что пошли.

– Даже так? – оттопырил губу Валяев. – Поздравляю, Киф, растешь.

Зимин уже вышел из кабинета и, придерживая дверь, сказал нам:

– Ну, чего застыли-то? Шевелитесь.

Мы сели в лифт, спустились на шесть этажей и вышли на площадку, где висела табличка «Двадцать второй этаж» и были две двери с магнитными замками, одна слева, другая справа.

– Налево или направо? – поинтересовался Валяев.

Зимин хмыкнул и пошел в правую дверь. Валяев хлопнул меня по спине. Зимин шел по этажу, не обращая внимания на сотрудников, вскакивающих со своих мест, на их подобострастные взгляды и улыбки, он шел к кабинету, окна которого были закрыты жалюзи, свет в котором был потушен и который явно был самым большим на этом этаже.

– Ты ведь уже все понял? – спросил меня он, когда мы зашли в этот огромный кабинет. – Не так ли?

– У меня есть все шансы получить этот кабинет вместе со всем этажом и, надо думать, целым подразделением? – ответил ему я. – Это я понял. Пока непонятно продолжение.

– Какое продолжение? – удивился Зимин.

– Ну как какое? «Он будет твоим, если ты…» Вот все, что находится за «если ты», для меня пока непонятно и неизвестно. А ведь это и есть самое главное.

– А, вот ты о чем… – Зимин покивал головой. – Есть и такое. Пошли ко мне, там объясню. Ты хоть скажи – как тебе кабинет?

– Красивый, большой, бестолковый, – пожал плечами я. – Я за такими вещами сроду не гнался. Вы мне другое объясните: двадцать второй этаж – это круто?

Валяев цокнул языком и повертел головой.

– Правильный вопрос, впрочем, как и всегда. Двадцать второй этаж – это преддверие высшей власти «Радеона». С учетом того, что на двадцать третьем, двадцать четвертом и двадцать пятом сидят программисты, не участвующие в рейтинге, а на двадцать шестом – безопасники, тоже идущие вне категорий, то считай, сколько остается до двадцать восьмого, где располагаемся мы.

Начальник с двадцать второго может почти ни с кем не здороваться, но почти все здороваются с ним.

– Это вопросы хорошего воспитания, – сказал Зимин, нажимая кнопку лифта. – Но по сути верно. Старик предлагает тебе место у своего стола, пусть даже и на самом дальнем его краю, а он это делает нечасто.

– А что он хочет получить взамен, я ведь это так и не услышал?

– Все то же, что и всегда. – Зимин вошел в открывшиеся двери лифта. – Преданность, добросовестность, разумность. Как обычно – душу и тело.

– И все? – И впрямь было маловато, за такой-то шанс. Я не дурак, я понимал, что пять – семь лет в этой компании на посту какого-нибудь начальника средней руки – это как минимум обеспеченная старость. Ну, если доживу…

– Ты думаешь, это так мало? – Зимин тонко улыбнулся. – Поверь, этого более чем достаточно.

– Но это только общие слова. – Я решил не кокетничать и не включать дурака. Есть деловое предложение, так надо узнать его детали, чего тут миндальничать?

– Верно, есть такое. Будет и просьба подкрепить слова кое-каким делом, но всему свое время, – вступил в разговор Валяев, на этот раз – без своих обычных шуток-прибауток. – Сейчас у тебя две основные задачи – вернуть богов в игру и найти того, кто проник в редакцию в жизни. И спорный вопрос, какая из этих задач важнее.

– Сразу хочу прояснить кое-что и по тому заданию, и по этому, – продолжил я, входя в кабинет Зимина вслед за своими боссами. – Но прежде вот что – скажите, а кем я буду на двадцать втором этаже? Надеюсь, не свадебным генералом?

Зимин одобрительно посмотрел на меня.

– Правильный вопрос. Нет, не свадебным генералом. Совет акционеров «Радеона», рассмотрев успешный старт еженедельника «Вестник Файролла», решил создать отдельное бизнес-направление, посвященное печати, книгоизданию и интернет-информу. Угадай, кто – разумеется, при должном усердии и старании – может стать руководителем этого направления, то есть одним из функционеров корпорации с правом совещательного голоса?

– Па-бам! – пропел Валяев.

Да, это был шанс. Тот, который один из тысячи. Вот только чем придется расплачиваться за этот шанс? Добро, если душой, ее не жалко, да и за тело я тоже не волновался, слава богу, они не эти, слабопопые, но ведь что-то им от меня надо? Ну не героизма же в игре, в самом-то деле, я в такую ерунду сроду не поверю. И это без учета того, что мне уже в обе руки напихали, скоро уже с головой накроет гора их подарков. Но в любом случае – овчинка стоит выделки.

– Ну, что скажешь, приятель? – Зимин стоял напротив меня. – Сделка?

Он, улыбаясь, протянул мне руку.

– Сделка, – ответил я ему и эту руку пожал.

– Отлично. А теперь давай свои вопросы. – Макс, очень довольный, сел в кресло. – Ну а потом накатим. У тебя как со временем?

– Да нормально, только у меня Вика внизу кофе пьет. Надо бы ее предупредить, что я тут задержусь.

– Да о чем разговор. – Валяев подошел к столу Зимина, взял с аппарата телефонную трубку и набрал трехзначный номер. – Сейчас мы ей культурную программку организуем.

Он забарабанил пальцами по столу.

– Алло, кто это? Светлана? А что же это вы, Светлана, когда берете трубку и говорите: «Компания «Радеон», забываете всем звонящим сообщать как раз то, что вы Светлана? Кто это? Это Никита Валяев. Эй, не падайте там в обморок. Вы

смотрите у меня и радуйтесь, что это я вас прищучил, этакий добряк и весельчак, а вот если бы попали на Зимина, тут бы вам карачун и настал, он вас убить бы не убил, но занудил бы до смерти.

– Ки-и-ит! – протянул Зимин.

– Ладно. Вот что, Светлана, слушайте меня внимательно. В кафетерии сидит жена моего друга, и не просто друга, а человека, который, возможно, в скором времени станет одним из нас, подчеркну особо – не из вас, а из нас, а значит, тоже будет работать в нашей с вами, Светлана, корпорации. Я очень хочу, чтобы эта милая дама по имени Виктория, – Валяев посмотрел на меня, я шепнул: «Евгеньевна», – свет Евгеньевна не скучала. Поэтому организуйте ей, к примеру, экскурсию по нашему зданию, отведите в наш салон красоты, в общем, делайте все, чтобы наша гостья не чувствовала себя заброшенной и печальной. И если она останется довольной, возможно, я забуду о вашей небольшой оплошности, Светлана. И даже награжу чем-нибудь. Так что – бегом в кафетерий.

– Она там с Елизой Валбетовной, – сообщил я Валяеву.

– Светлана, стоп! – быстро сказал тот. – Пойдете туда только тогда, когда оттуда Елиза уйдет. Вы, судя по голосу, юны и прекрасны, мне будет жалко вас хоронить. Почему хоронить? Вы, видимо, у нас недавно работаете? Две недели? Оно и видно. Спросите у более умудренных опытом коллег, почему нельзя мешать Елизе Валбетовне. И вот как только она проследует к лифту, можете идти развлекать Викторию Евгеньевну. Понятно? Ну и славно.

Валяев повесил трубку, явно довольный собой.

– Надо будет с ней познакомиться, – сообщил он нам. – Судя по голосу – блондиночка, в достаточной степени скромная и непорочная. Экий деликатес для дядюшки Никиты.

– Кит, если ты еще хоть одну девицу с ресепшена отправишь на аборт, Ядвига тебя кастрирует, и я не шучу! – действительно серьезно сообщил ему Зимин. – Не забывай, что это запрещено законом, и мы платим серьезные деньги, отправляя их в абортарии Германии.

Аборты и впрямь законодательно запретили лет пять тому назад, когда стало понятно, что титульная нация если еще и не начала вымирать, то очень близка к этому. Как ни странно (учитывая давно ставшие традиционными бессилие и продажность нашей законодательной и исполнительной системы), этот закон и в самом деле выполнялся, подпольные абортарии закрывались, не успев открыться, и после того как пара сотен подпольных лекарей обзавелись новым местом жительства на довольно длительный срок, никто особо не рвался составить им компанию. Народ попроще рожал, хотя детей частенько оставляли в роддомах, девицы побогаче летали в Европу.

– Ладно, – махнул рукой Валяев. – Если что – сам оплачу.

Мне этот разговор, с одной стороны, был неинтересен, с другой, я понимал: вот теперь я, похоже, совсем свой.

– Киф, так что ты хотел спросить? – Зимин взглянул на меня. – Что конкретно?

– С чего начать? С игры или с кадрового вопроса? – уточнил я.

– С кадрового, – перехватил мяч Валяев. – Про игру и под коньяк поговорим, а про кадры – фиг он даст.

– Кадры решают все, – назидательно произнес Зимин. – Так что у тебя?

– Все то же, – пожал плечами я. – Крот. И вопросы по нему.

Зимин посмотрел на Валяева и позвонил Азову:

– Илья Павлович, зайди ко мне.

Зимин повесил трубку, взял из коробки сигару, прикурил, пустил в потолок кольца ароматного дыма и спросил у меня:

– А скажи мне, друг мой Киф, слышал ли ты когда-нибудь о «Консорциуме»?

Глава 3,

в которой герой узнает много нового и любопытного

– Ну, это термин такой экономический. Когда кто-то с кем-то объединяется для общего дела, то это и есть консорциум, – сообщил я Зимину.

– Ну да, ну да… – согласился со мной Зимин. – Ты даже отчасти прав. Но в данном случае «Консорциум» – это имя собственное.

– Тогда не слышал, – помотал головой я. – Точно не слышал, я бы запомнил.

– А между тем «Консорциум» существует, и это в высшей степени серьезная организация. – Зимин потушил сигару в пепельнице. – А самое главное – не слишком-то лояльная по отношению к «Радеону».

– Макс, вот вечно ты все идеализируешь и смягчаешь. – Валяев повертелся в кресле. – Киф, у всякой порядочной крупной корпорации всегда есть враги. Причем чем она крупнее, тем их больше. Мы очень большая корпорация, и у нас очень много врагов. Самый большой и главный из них – «Консорциум». Это на самом деле мощная организация и очень опасный противник.

– И? – опасливо поинтересовался я.

– И у тебя в газете человек именно оттуда, – добродушно разъяснил мне текущий момент Валяев.

Вот же… Только этого мне для счастья не хватало. Было у меня в газете все хорошо и гармонично, три спокойных и предсказуемых дебила и одна умница-любовница, теперь же у меня есть все те же три дебила, умница-любовница и четыре подозреваемых, один из которых наверняка шпион с неизвестным мне пока заданием. Очень мило… Может, кардинально решить проблему, ну там здание редакции подпалить? Нет работы – нет проблемы? Но, правда, тогда и кабинета на двадцать втором этаже нет, и прилагающейся к нему огромной зарплаты, и бонусов немалых – тоже. Не подумайте, вообще-то я довольно бескорыстный человек и даже готов работать за идею. Но вот только идея с давних времен у меня есть лишь одна – купить себе большой остров в Карибском

море! Шутка… Ох, беда, беда…

– Стало быть, это не просто безобидный и туповатый инсайдер, ходячее записывающее устройство, – обреченно подытожил я. – Это матерый вражина, фактически – резидент.

– Не то слово, – подтвердил мне это Валяев. – Сейчас Азов тебе кое-что пояснит.

Как будто услышав эти слова, в кабинет вошел начальник службы безопасности «Радеона», причем с крайне благодушным выражением на лице. Когда человек подобной профессии пытается изображать из себя рождественский пряник, я поневоле начинаю очковать…

– А, вот и наш журналист, – похлопал он меня по плечу. – Рад тебя видеть, Киф, редко к нам заходишь.

– Так дел полно, – пояснил ему я. – То одно, то другое, то понос, то золотуха. Теперь вон это еще…

– Ну да, ну да… – Азов посмотрел на меня с пониманием. – Все-то у нас не так, то дров нет, то угля, а поутру и котел сп… сперли.

– Так оно и есть на самом деле, – подтвердил ему я. – А у меня в редакции вот еще и вражья душа завелась, до кучи. Скажите мне, Илья Павлович, что же ваши молодцы нас не защищают, чего у нас граница не на замке?

– Про «Консорциум», стало быть, тебе уже поведали? – задушевно повел свои речи Азов. – Вот ты спрашиваешь – почему? А потому, друг мой любезный Киф, что и с той стороны не шелупонь какая-нибудь обретается, а такие же, как я, последние обломки империи, которых еще держава учила. Ты всерьез думаешь, что я сплю тут, что ли?

В голосе Азова, сменившем всего за пару предложений и тембр и интонации, отчетливо лязгнул затвор пистолета и раздался звук навинчиваемого на ствол глушителя. Мне стало сильно не по себе.

– Да это понятно, я ж без претензий. Спымаем злодея вместе, – выставил я ладони перед собой. – Но мы хоть что-то про него знаем?

– А как же, – от слов Азова перестало тянуть запахом оружейной смазки. – Он – человек.

Очень смешно. Я прямо сейчас от смеха в штаны напружу.

– А… Ну, при таких приметах я его уже через час-другой самолично повяжу и сюда доставлю, – спокойным тоном заверил я Азова. – Чего ж мне сразу-то это не обозначили? Это ж такая примета, что по ней…

– Ладно, все, хорош в остроумии упражняться, – прервал наше общение Зимин. – Илья Павлович, давай детали, а ты, Киф, слушай, не перебивай и на ус мотай.

И вот что я услышал. Подробности того, где «Радеон» перешел дорогу «Консорциуму», Азов раскрывать не стал, но даже из пары мелочей, проскользнувших в рассказе, мне стало ясно, что вражда эта уходит корнями в какое-то дремучее прошлое и, судя по всему, боссы с обеих сторон питают друг к другу ту светлую незамутненную ненависть, которая свойственна лишь бывшим одноклассницам и бизнесменам. Ну, это когда ты ему руку жмешь и мысленно мишень на лице рисуешь.

На текущий момент формально две мегакорпорации находились в состоянии внешнего нейтралитета, а на самом деле нормой вещей был промышленный шпионаж, переманивание сотрудников, наем профессиональных хакеров для распространенной народной забавы «падение системы» и прочие бизнес-аргументы, свойственные современному деловому российскому миру. В прошлом году даже имели место несколько случаев членовредительства (по отношению к мелким клеркам) с целью демонстрации серьезности требований по каким-то то ли невыполненным, то ли перехваченным тендерам и контрактам.

– Что поделаешь – пешки, – развел руками Валяев. – Размен фигурами.

– А где вы им перешли дорогу-то? Если в игровом бизнесе, то странно, отчего я о них ничего не знаю, – удивился я. – Я ж про игровой рынок груду материалов еще летом перелопатил.

– Ну, «Радеон» занимается не только играми, нам интересны многие области бытия, – сложил руки замком Зимин. – Хотя «Файролл» – это наш основной проект, да что там основной – главнейший, тем более на нем частенько завязаны и побочные направления бизнеса, так как все в этом мире взаимосвязано. Но и иных источников дохода немало, вот и пересекаются у нас интересы. Плюс им и наш главный бизнес ох как не нравится, но тут у них кишка тонка, не по их ртам этот кусок, да и принципы их мешают им в серьезную драку с нами влезть.

– Ну и чего тогда этот «Консорциум» дергается? Онлайн-игры – это не их сфера, то есть по основному бизнесу вы не можете бодаться, а по второстепенным всегда договориться можно, небось не легендарные девяностые на дворе, так чего они тогда? – Я правда не мог это понять.

Зимин переглянулся с Валяевым, и я успел поймать движение его головы, контурно обозначившее «нет». Стало быть, рано мне пока лезть в калашный ряд, не вышел я пока… лицом.

– Киф, в великом знании… Ну, ты в курсе. Да и не надо тебе пока знать полную и даже частичную подоплеку нашей великой войны с «Консорциумом». И смею тебя заверить – лучше бы тебе ее и дальше не узнавать, хотя лично я уверен, что сделать это тебе в любом случае придется.

– Как скажете, – не стал спорить я, хотя, конечно, все равно мне было любопытно разобраться, в чем там сыр-бор. – Но про этих-то четверых, может, я все-таки что-то да узнаю от вас? И в первую очередь вот что мне не дает покоя – как вышло, что вы сами не в курсе, кто там крыса?

Азов досадливо покачал головой.

– Вообще это, конечно, мой недосмотр. Даже не недосмотр, а прямая недоработка. Плюс стечение обстоятельств и очень хороший план Уренцева.

– Кого? – У меня сегодня был день открытий.

– Уренцева Петра Елфимовича. Это начальник службы безопасности и активных операций «Консорциума». Вот такое у них название, это не отсебятина. Он профи с гигантским опытом, он некогда в Египте такие штуки проделывал, что о них до сих пор там вспоминают. А что он на Черном континенте творил, у-у-у!

Азов повертел головой, показывая всем видом, что и врагов можно и нужно уважать. После продолжил:

– Все сошлось в одной точке. Запрос в университет был на три человеческие единицы, но когда нам пришли оттуда документы рекомендуемых специалистов, их оказалось четверо. И никто не мог сказать, откуда появилась четвертая кандидатура. Подняли переписку, опросили участников действа, все талдычат одно: уходил запрос на трех, в работу принят запрос на четырех. И все не врут, вот какое дело, я лично с ними общался, а я могу понять, когда люди врут, а когда нет.

– Если Азов говорит, что не врут, значит, так оно и есть, – явно со знанием дела заявил Валяев.

– Понятно, что четвертый человек появился неслучайно, – продолжил Азов. – В свою очередь, к тому времени я совершенно точно знал две вещи. Первое – «Консорциум» еще тогда, на старте, пытался запихнуть в газету своего человека, но у них это не получилось, поскольку работали они в большой спешке, а потому топорно, плюс в то, что затевалось, тогда не то что у них – у нас никто особо не верил. Ну, вы помните?

Зимин и Валяев синхронно кивнули.

– А второе – в этот раз к вопросу подошли всерьез, сам Петр подключился, и человека он сам подбирал. Важным стало это направление, причем я тебе, Киф, точно даже не скажу, что им нужнее: газета с ее информацией или ты. Не скажу, потому что пока сам не знаю. Мой источник там не так уж высоко сидит и не так уж далеко глядит.

– Негусто, – констатировал я. – Из этой информации супа не сваришь. А персоналии вы пробили хотя бы?

– Конечно. – Азов, по-моему, даже маленько обиделся на меня за одно только предположение, что я мог о нем так подумать. – Само собой. До последней родинки.

– И ничего? – не усомнился я.

– Абсолютно, – подтвердил Азов. – Родились, учились, пили, гуляли, встречались с особями противоположного пола – в общем, вели нормальную жизнь нормальных людей. И никаких пересечений с «Консорциумом». Вообще никаких. Совершенно. Пробили практически всех их партнеров и сожителей – глухо. Родителей, одноклассников, одногруппников, сослуживцев – опять же глухо.

– Эта красотка, Шелестова, в «Белом знаке» порядочно времени поработала, – отметил я.

– Знаю. – Азов кивком головы засвидетельствовал то, что оценил мою информированность. – Ее первую на карандаш взяли, под микроскопом рассматривали. Ничего. В «Белом знаке» она младшим помощником старшего дворника была, подай-принеси. Набиралась там уму-разуму, зарекомендовала себя отлично, могла бы даже карьеру сделать, если бы первый зам генерального не предложил ей под него лечь – там хоть и смотрят исключительно на деловые качества, но инстинкты пока никто не отменял, а девка она красивая, до такой степени, что скулы сводит. Она отказалась и ушла. Сама ушла. Место ей предложили независимо от ее отказа переспать с тем кадром, его, кстати, после того, как она объяснила причину ухода, сразу сняли. Очень сильно принципиальная оказалась девка, а ведь по ней и не скажешь. Не поверишь, но при всех ее достоинствах у нее даже любовника сейчас нет, хоть, конечно, и монахиней ее тоже не назовешь, лет семь тому назад она так чудачила, что ой-ой-ой. При этом она сто раз могла и замуж выгодно выйти, да и папа у нее – человек очень непростой и крайне небедный, предлагал ей газету купить или журнал, чтобы она развлекалась, а она все отказывается. То ли себе чего доказывает, то ли ему хочет внушить чего, поди пойми. Даже машину сама купила, «мерс», притом подержанный, хотя могла бы любую новую тачку себе выбрать, ее просто ей к дому пригнали бы – и все.

– «Мерс»? – Я припомнил утро на стоянке. – Серебристый?

– Да. – Азов кивнул. – Не сильно новый.

Я подумал, что об этом я Вике, пожалуй, не буду рассказывать. Ни к чему это.

– А остальные? – мне было интересно послушать про всех.

– А что остальные? С ними тоже все очень прозрачно, а потому и непросто. – Азов хрустнул пальцами. – Жилин, например, бывший морпех, в армию загремел по несчастной любви…

– Это как? – не понял Валяев.

– Ну как? Он и она, она уходит к его другу, он уходит в армию. Обычное дело.

– Идиотизм какой-то! – Валяев повертел пальцем у виска. – Полтора года жизни разменять на девку, каких полно. Девчонки разные, ощущения одни и те же, так чего париться-то?

– Ну, у каждого свои тараканы в голове, – дипломатично сказал Азов и продолжил: – Вернулся из армии, восстановился в университете, учился отлично, попал в поле зрения наших хедхантеров. Все. Увлечений у него никаких особых нет, кроме качалки, страйкбола и подводного плавания. Ах да, еще он специалист по выживанию в лесу, плюс рукопашка, занимался профессионально, даже в чем-то там участвовал и что-то там выигрывал. Долгов нет, обязательств нет, абсолютно чист. Живет один, от девок как черт от ладана шарахается до сих пор.

– Н-да, – почесал я затылок. – Пожалуй, его я гамадрилом или туловищем поостерегусь называть. Качалка, выживание… Да он просто диверсант какой-то!

– Первое, что я про него подумал. Но оказалось, что он на редкость миролюбив, и это подтверждено огромным количеством свидетелей, – немедленно отозвался Азов. – Абсолютно неконфликтен, субординация соблюдается неукоснительно.

– А что по оставшимся двум? – Зимин был собран и сосредоточен.

– Соловьева Мариэтта, уроженка города Кимры, золотая медаль, красный диплом, лезет наверх как матрос по вантам, без оглядки вниз. Комплексов нет, принципов нет, таланта – тоже нет, но зато невероятно работоспособна, это красной строкой выделяют все, кто с ней общается. Все, что у нее есть, ставится на карьеру. Чтобы попасть в поле зрения нашего хедхантера, три года чуть ли не жила в ректорате, поскольку именно с того времени стремилась пролезть в пресс-отдел «Радеона».

– Принципов нет, комплексов нет, рвалась в «Радеон», – задумчиво протянул я. – Чем не вариант?

– Всем не вариант, – немедленно сказал нахмурившийся Валяев. – С ней дела никто иметь не будет, она ненадежна как агент. Если она сочтет другую сторону наиболее выгодной, продаст не задумываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vasil-ev_andrey/fayroll-sicilianskaya-zaschita

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити